

УДК 94(73)+930 "1950/1990"

DOI:10.29039/2413-1741-2025-11-4-34-46

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: «ВИСКОНСИНСКАЯ ШКОЛА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» (1950–1970-е ГОДЫ)

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

В историографии внешней политики США существует проблема – стереотипы, вводимые в научный оборот учеными без всестороннего изучения источников. В исследовании эта проблема рассматривается на примере «висконсинской школы дипломатической истории». Целью работы выступает оценка состояния разработанности генезиса внешней политики США в трудах представителей школы. Актуальность темы обусловлена тем, что изучается интеллектуальное наследие школы, как сложный комплекс. Новизна видится в том, что применяется ранее не использованный формат организации исследования – комбинация неизученной темы, конкретно-тематической модели, источников, методологии. Результаты дали возможность сделать следующие выводы. Во-первых, была установлена низкая степень актуальности темы для историков школы, поскольку они не могли найти неопровержимые доказательства в источниках XVIII в., которые они не стремились анализировать комплексно и масштабно. Во-вторых, историки не добились роста научного знания при рассмотрении темы, ограничившись заимствованием тезисов, которые были изучены в науке (экспансия, меркантилизм, использование мирового баланса сил, как универсальные средства достижения статуса «империи»). В-третьих, ученые руководствовались принципом презентизма, что привело к искажению ими оценки исторических процессов.

Ключевые слова: генезис внешней политики США; «висконсинская школа дипломатической истории»; Д. Л. Купер; У. Ф. Лафибер; У. Э. Уильямс; Ф. Х. Харрингтон.

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи, преимущественно, следуют стереотипам, которые проникают и тиражируются в академической среде: в обороте научного знания курсируют оценки, подкрепленные авторитетом именитых ученых и, как правило, безоговорочной поддержкой их учеников и последователей. В результате доверие и подражание, а не верификация становятся механизмом развития представлений, имеющих сомнительное происхождение. Противостоянием неблагоприятной тенденции в науке является внутренний и внешний аудит, под которым следует понимать ревизионизм. В этом контексте осмысление наследия «висконсинской школы дипломатической истории» (ВШДИ. – далее) не является исключением.

В историографии концептуальные основы идей представителей ВШДИ подверглись изучению [11; 30; 35]. Однако, существует тема, которая остается вне пределов критического анализа – генезис внешней политики США. При этом сформировалась устойчивая тенденция не рассматривать детально взгляды представителей школы на раннем периоде истории внешней политики Соединенных

Штатов. Ученые, как правило, ограничиваются лаконичным упоминанием о то, что представители ВШДИ считали североамериканское государство империей, чья внешняя политика определялась экономическими факторами [17, р. 255–257, 267–268]. При этом исследователи игнорировали такие аспекты темы, как состояние ее разработанности в школе, истоки и эволюция интерпретации.

В свою очередь, проведение исследования состояния темы в ВШДИ обуславливает и ее актуальность, поскольку способствует работе по изучению интеллектуального наследия школы, как сложного комплекса, в анализе которого учитывается связь между поколениями специалистов.

Также значимость разработки связана с состоянием темы в мировой и российской исторической науке, характеризующейся двумя тенденциями. Первая – уменьшение внимания в историографии к трудам историков ВШДИ в обзорных работах первой четверти XXI в. [3; 44]. Вторая тенденция – сокращение использования в российской исторической науке наследия ВШДИ. Если на протяжении 1960–1980-х гг. в советской американистике школа и ее представители были в центре внимания [1, с. 73, 74–75; 7, с. 64–65, 68–77, 83–85], то в постсоветский период интерес к ним маргинализировался, низводя труды до периферийного уровня [5, с. 27, 218] или же выводя из оборота использования [9, с. 7–15]. При этом, следует отметить, что ни в советский, ни постсоветский период изучение темы генезиса внешней политики США в ВШДИ не было разработано учеными. Как и в зарубежной историографии, в частности американской, историки СССР и Российской Федерации не продвинулись дальше иностранных коллег. В результате, в американской и советской / российской исторической науке возник вакуум, требующий заполнения.

Несмотря на провокационность ревизионизма представителей ВШДИ в 1950–1970-е гг., в исторической науке насчитываются единичные попытки их критического анализа, в которых школа представлялась как система. Показательным примером является уникальная работа – монография Шэня Цюя «Исследование «Висконсинской школы» в американской дипломатической историографии» (2010) [11], а также более ранние обзоры – статья Б. Перкинса «Трагедия американской дипломатии: двадцать пять лет после» (1984) [30], книга Р. У. Такера «Радикальные левые и американская внешняя политика» (1971) [35]. Принимая во внимание различия в масштабах работ и годами изданий, их общей чертой выступает отсутствие внимания к генезису внешней политики США. На практике, неразработанность темы наблюдается не только в обобщающих работах по истории ВШДИ, но и в отдельных трудах по истории внешней политики североамериканского государства [17, р. 255–257, 267–268].

Низкий уровень изученности темы в историографии обуславливает целесообразность проведения исследования, характеризующегося тремя качественными отличиями от предшествующих попыток.

Во-первых, целью исследования является оценка состояния разработанности генезиса внешней политики США в ВШДИ. Во-вторых, материалы изыскания сформированы опубликованными и неопубликованными типами источников: кроме статей и монографий представителей ВШДИ [20; 24; 26–27; 36–43], использовалась

также диссертация [19]. В-третьих, методология работы была построена на основе композиции в единый комплекс принципов историзма, объективности и системности со специально-историческими методами: историко-генетический и историко-сравнительный, историко-биографический, описательный и просопографический методы. В-четвертых, в отличие от изысканий Б. Перкинса, Р. У. Такера, Шэнея Цюя, которые применяли проблемно-тематическую и хронологическую модели организации анализа, в исследовании была применена конкретно-тематическая модель, позволяющая обеспечить высокую степень детализации изучаемого объекта, но, при этом, сохранялась связь с контекстом.

В целом, концентрация внимания на ранее неизученной теме, уникальное сочетания источников, методологии и применение конкретно-тематической модели позволяют обосновать новизну исследования и его уникальность, так как ранее такой формат не применялся.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Истоки: системообразующие предпосылки формирования интерпретации (от Ч. О. Бирда к Ф. Х. Харрингтону и У. Э. Уильямсу)

После Второй мировой войны влияние историков-прогрессистов сократилось до минимума. Однако, бесследно идеи не исчезают. Несмотря на то, что во второй половине 1940-х гг. «прогрессистская школа» утратила положение и была замещена «консенсусной школой», в стране оставались ее апологеты. Источниками сохранения наработок историков-прогрессистов выступали неоизоляционистские настроения в обществе и поиск новых путей осмысления внешней политики государства в науке в условиях формирования биполярного мирового порядка.

Также системное влияние оказывала смена поколений в академической среде: послевоенное поколение левых радикалов, рожденных преимущественно в 1920–1930-е гг., вступило в интеллектуальную зрелость в 1950–1960-е гг. Они стали наиболее яркими критиками внешнеполитического курса Соединенных Штатов в период холодной войны, в целом, и войны во Вьетнаме, в частности. Ревизионизм для них был инструментом борьбы с политическим истеблишментом [31, р. 4–6]. Высшие учебные заведения стали благодатной почвой для формирования взглядов этой группы интеллектуалов, опиравшихся на наследие «прогрессистской школы».

Одним из таких локусов был Университет Висконсин-Мэдисон, исторический факультет который представлял собой прогрессистский бастион [29, р. 346], где интеллектуальный климат формировался под воздействием Фреда Харви Харрингтона – историка-прогрессиста, сочетавшего педагогическую деятельность с административной работой (став помощником президента университета в 1957 г., он достиг поста президента вуза, занимая его с 1962 г. по 1970 г.). В историографии сложилось устойчивое представление о том, что истоки взглядов Ф. Х. Харрингтона были связаны с трудами Чарльза Остина Бирда [23, р. 614].

Следует обратить внимание на то, что наследие Ч. О. Бирда заключалось не только в критике историков «националистической школы», но и в призыве отказаться от политической истории и сконцентрировать усилия на изучении экономических

сил, как движущего фактора изменений [12, р. 7]. В соответствии с этой логикой, зарождение внешней политики США интерпретировалось им экономическим детерминизмом, под которым он понимал торговлю и, соответственно, действия экономических групп, заинтересованных в ней [13, р. 31–32]. Отцы-основатели США, по мнению Ч. О. Бирда, действовали исходя из практики: «Прежде всего они были знакомы с длительным соперничеством континентальных держав с Великобританией в борьбе за мировую империю и мировую торговлю. Не требовалось никакого острого прорицания, чтобы понять, что Конгресс может использовать эти древние обиды для удовлетворения своих насущных потребностей» [14, р. 244]. Ничего нового в этой оценке не было: американская историография на протяжении всего XIX в. постулировала экономическую природу внешней политики. Примечательно и то, что Ч. О. Бирд, несмотря на критику представителей «националистической школы», был с ними солидарен: генезис внешней политики рассматривался ими, как результат американского опыта. Одновременно оценки Ч. О. Бирда обуславливались современными политическими процессами: ведя научную деятельность, ученый критиковал внешнеполитический курс страны при администрациях президента Ф. Д. Рузвельта и стоял на изоляционистских позициях [21, р. 73–95].

Было бы ошибочно считать Ф. Х. Харрингтона ярым последователем идей Ч. О. Бирда: историк относился критично ко взглядам предшественника [24, р. 335–345]. Тем не менее, прослеживались точки соприкосновения взглядов двух ученых: они разделяли тезис о фундаментальной роли экономики, как основы внешней политики США, а также оба критиковали современный курс внешней политики страны (Ф. Х. Харрингтон считал ошибочными действия администраций Ф. Д. Рузвельта и Г. Трумена в международных отношениях за излишнюю концентрацию на зарубежных делах в ущерб проведению внутренних реформ [Ibid., р. 344–345]). Уточнить необходимо и то, что ни Ч. О. Бирд, ни Ф. Х. Харрингтон не проводили самостоятельных исследований по раннему периоду истории внешней политики Соединенных Штатов.

В отличие от Ч. О. Бирда, не сделавшего бюрократическую карьеру в Колумбийском университете, Ф. Х. Харрингтон, как университетский топ-менеджер, обладал непосредственным влиянием на карьерное продвижение своих учеников, разделявших с ним общие представления. Из 16 аспирантов, успешно защитивших диссертации, видное место занимал Уильям Эпплман Уильямс, проводивший исследование на тему «Рэймонд Робинс и американо-российские отношения, 1917–1938 годы». Став деканом, наставник пригласил перспективного ученика в 1957 г. на работу, чтобы он заменил его в прочтении курса по истории дипломатии США [16, р. 97].

Несмотря на то, что существует точка зрения, согласно которой ВШДИ возникла еще до прихода У. Э. Уильямса в вуз [22, р. 3], следует усомниться в ее корректности. Эмерджентный принцип системы позволяет выдвинуть тезис о том, что сочетание усилий Ф. Х. Харрингтона и У. Э. Уильямса – привело к формированию ВШДИ:

горизонтальная и вертикальная экспансия школы выступала следствием сотрудничества поколений историков.

В центре концепции ВШДИ размещался тезис о доминирующей роли экономического фактора в развитии внешней политики Соединенных Штатов [31, р. 48–49]. При этом Ч. О. Бирд для Ф. Х. Харрингтона и У. Э. Уильямса был не более чем специалист, который раньше их высказал схожие суждения, но не был идейным вдохновителем школы. Оба историка дистанцировались от него в своих работах [24, р. 344–345; 37, р. 59–80]. По сути, это был диалог разных поколений, чьи взгляды обладали общими чертами – убежденностью в ключевой роли экономического фактора в зарождении и развитии внешней политики, а также – скепсис относительно вовлечения США в мировую политику в статусе великой державы. Однако, схожесть взглядов не следует трактовать результатом влияния: представления Ф. Х. Харрингтона и У. Э. Уильямса были продуктами их собственных поисков и взаимодействия, а не результатом влияния наработок Ч. О. Бирда. Они принимали авторитет предшественника, но критически относились к его наследию.

Зарождение: концептуализация интерпретации (У. Э. Уильямс)

Грант от исследовательского комитета высшей школы Висконсинского университета в 1949–1950 гг. позволил У. Э. Уильямсу написать свою первую монографию «Американо-российские отношения, 1781–1947» [36], которую он посвятил Ф. Х. Харрингтону. В работе, автор выдвинул тезис: на протяжении всей своей истории Соединенные Штаты, как и ведущие европейские страны, проводили внешнюю политику на завоевание статуса империи через универсальные средства – экспансию и мировой баланс сил [Ibid., р. 3–5]. Делая такой вывод, он допустил методологические ошибки: ни один источник не был им приведен до 1780 г., 1780–1783 гг. рассматривался им с отсылкой на 6 источников, период с 1783 г. по 1798 г. был рассмотрен лаконично – один абзац без ссылок на документы или литературу.

Обоснование аргументации ученым было проработано посредственно, что было результатом не недоработки или некомпетентности, а следствием его стратегии по достижению двух взаимосвязанных целей. Во-первых, У. Э. Уильямс открыто критиковал курс администрации президента Г. Трумэна в международных отношениях, считая ошибочным курс по сдерживанию коммунизма. Во-вторых, историк противостоял росту влияния школы политического реализма в академической сфере. Преследуя цели, ученый достигал их при помощи критики взглядов Дж. Ф. Кеннана, изложенных им в статье «Истоки советского поведения».

В свою очередь, У. Э. Уильямс не использовал понятие «великая держава», отдав предпочтение понятию «империя», поскольку он использовал его для отмежевания от школы политического реализма. При этом, понятие «империя» в его концепции было результатом не теоретического обобщения, а эмпирического заимствования. В частности, изучение источниковой базы книги позволило выделить ее истоки в трех документах второй половины XIX в.: речь «Апелляция к «Высшему Закону»» в Сенате 11 марта 1850 г. сенатора от Нью-Йорка Уильяма Генри Сьюарда; публикация под названием «Русская Америка» в газете «The New York Herald» от 29 апреля 1867 г.; статья «Коммерческое будущее: новая борьба за жизнь среди наций»

американского общественного деятеля и публициста Адамса Буркса, изданной в британском журнале «Fortnightly Review» в феврале 1899 г. [Ibid., p. 21, 22, 33–34, 295, 297]. Фактически, понятие «империя» не было разработано или уточнено.

Тем не менее, в дальнейшем, на протяжении второй половины 1950-х гг. и начала 1980-х гг., ученый продолжал развивать положения монографии 1952 г. Следует отметить, что его взгляды эволюционировали: к тезису об экспансии, достижения статуса империи, использования мирового баланса сил была добавлена идея о влиянии меркантилизма с середины XVIII в., которую он считал наиболее важным фактором в зарождении внешней политики. Изменения были отражены в таких работ, как «Эпоха меркантилизма: интерпретация американской политической экономии, 1763–1828» [40, p. 421], «Трагедия американской дипломатии» [43, p. 21], «Контурсы Американской истории» [41, p. 21–22, 109–117], «Корни современной американской империи; исследование роста и формирования общественного сознания в рыночном обществе» [42, p. 6–9], «Америка противостоит революционному миру, 1776–1976» [38, p. 42], «Империя как образ жизни: очерк о причинах и характере нынешнего затруднительного положения Америки, а также несколько мыслей об альтернативе» [39, p. 84]. Однако, эволюция была результатом заимствований, которые ученый не скрывал: тезис о меркантилизме – взят из трудов К. П. Неттелса, У. Д. Грэмсона, Г. Мирдала, Д. Вайнера, Ч. Уилсона; утверждение об имперской природе внешней политики – из набросков М. Х. Савэйлла [40, p. 419]. Также ученый не делал акцент на изучении документов раннего периода истории внешней политики США, отдавая предпочтение констатации своих оценок как данности.

Категоричность и однозначность в суждениях У. Э. Уильямса следует объяснить спецификой отношения к предмету исследования: убежденность в своей правоте лишало его необходимости критично относиться к высказанной оценке и пренебрегать доказательствами. Эта тенденция в мышлении ученого проявилась еще на раннем этапе профессиональной деятельности: в монографии «Американо-русские отношения, 1781–1947» историк делал выводы исключительно на основе американских источников, игнорируя советские документы; делал односторонние выводы – критиковал сугубо руководство США и восхвалял СССР.

Не ставя под сомнение значимость творчества У. Э. Уильямса, необходимо обратить внимание на то, что его интерпретация генезиса внешней политики Соединенных Штатов не отличалась ни оригинальностью, ни доказательностью. Однако, авторитет историка был настолько велик, что его оценка определила профессиональное мышление его учеников и единомышленников [33, p. 528–529].

Внутренний ревизионизм: попытка придать историзм интерпретации (Д. Л. Купер)

Из всех 35 докторантов, защитивших диссертации, только Джеймс Луис Купер провел исследование по раннему периоду внешней политики США: тема его диссертации называлась «Интересы, идеи, и империи: корни американской внешней политики, 1763–1779» (1964) [19].

В диссертации подход автора представлял собой ретрансляцию концепта его научного руководителя, изложенного в книге «Трагедия Американской

дипломатии»: соискатель перенес в XVIII в. ключевые положения интерпретации У. Э. Уильямса событий и процессов XIX–XX вв. В результате, что было ожидаемо, докторант разделял уверенность в имперской природе внешней политики; вслед за наставником считал внешнюю политику результатом внутривнутриполитических процессов (противостояние в Континентальном Конгрессе консерваторов, либералов, радикалов формировало внешнюю политику страны) [43, р. 10, 29–30, 102–104, 107, 209, 311–312].

Тем не менее, несмотря на влияние У. Э. Уильямса, подход соискателя характеризовался своеобразностью, не получившей должного внимания в академическом сообществе. В основном, интерес к диссертации был вызван заимствованием из нее источников [28, р. 80] или формальной ссылкой на изучение отношений между группами-интересов [32, р. 25, 267]. Однако, исследователями не проводился критический анализ труда, не изучался взгляд автора на генезис внешней политики.

Завуалированная критика американской историографии, столь свойственная для стиля У. Э. Уильямса, была несвойственна соискателю: Д. Л. Купер открыто поставил под сомнение достижения школы политического реализма, школы дипломатической истории, историков-марксистов, историков-прогрессистов, адептов школы истории идей [19, л. 5–7]. Согласно его взглядам, эти направления демонстрировали «частичный подход» («partial approach». – Д. Д.), что препятствовало постижению истории. Парадокс этой оценки заключался в том, что, высказав критику, докторант не только не полемизировал с оппонентами, но и применял их наработки: выводы С. Ф. Бимиса, Ф. Гилберта, Г. Штоурца привлекались им для подтверждения аргументации [Ibid., л. 18, 98, 383–384, 425, 431, 467, 470, 486, 504, 575–576, 578, 591]. Тем не менее, альтернативой существовавшим направлениям, по мнению Д. Л. Купера, выступал подход, сочетавший два сегмента: «тотальная история» и концепция «хорошего общества» [Ibid., л. 3–6].

Следуя рабочей гипотезе, Д. Л. Купер выделил две группы внутри американского общества, которые вели дискуссию об организации империи в колониальный период, а в последующем в США: «федералисты» и «контрфедералисты» [Ibid., л. 14]. Причины, по которым в работе не применялась типологизация «виги / тори», «лоялисты / радикалы» или понятие «антифедералисты» было заменено понятием «контрфедералисты», следует искать в стремлении автора к ревизионизму: под воздействием У. Э. Уильямса, соискатель искал новую интерпретацию. Подобного рода эксперимент требовал более детального изучения фактов, историографии, что докторантом не было сделано. В результате, Д. Л. Купер допустил ошибку: построил модель на основе одного фактора – отношение групп-интересов к организации власти. При этом многоаспектность исторических процессов им была выведена за рамки исследования.

Д. Л. Купер оказался в парадоксальном положении: недостаточная степень разработанности модели его диссертации сочеталась с анализом первоисточников. Следствием стал его сомнительный вывод о том, что до 1780 г. именно «конфедералисты» формировали внешнюю политику, поскольку контролировали

Континентальный Конгресс [Ibid., l. 14]. Проанализировать эту группу-интересов докторант не смог: по его мнению, они представляли собой очень запутанную проблему для исторического объяснения. Единственно, что ему удалось отметить: многие из этой группы были зависимы от связи с европейскими рынками, однако, ратовали за экономическую самостоятельность нового государства; несмотря на осуждение ими экономического и политического развития Европы, они признавали ее политические ценности [Ibid., l. 639].

Не удивительно, что подход стал заурядной попыткой облачить известные тезисы в новую форму. Недостаток не помешал соискателю констатировать весьма банальные тезисы, которые были уже в историографии середины 1960-х гг. В частности, он считал, что дискуссия о реформах Британской империи стала средой, сформировавшей ранний этап внешней политики США [Ibid., l. 635]. Не было оригинальности в суждении об интеллектуальном влиянии на отцов-основателей идеи Дж. Локка и шотландских философов о влиянии экономики на социальные институты [Ibid., l. 639]. Д. Л. Купер воспроизвел тезис «тёрнианства» о роли Запада в истории США: именно «конфедералисты» противопоставили Запад, как источник американской мощи, целесообразности развития отношений с государствами Европы. Благодаря их позиции в Соединенных Штатах сформировался образец поведения в международной среде – уклонение от европейского подчинения и экономическая независимость от «Старого света» [Ibid., l. 640].

Примечательно, но, в отличие от У. Э. Уильямса, Д. Л. Купер, применяя термин «империя», пояснил, что использовал его только как синоним «суверенного государства». Он мотивировал позицию семантическими нормами английского языка и интеллектуальным дискурсом XVIII в. [Ibid., l. 15–17]. Также соискатель, как и научный руководитель, не вступал в дискуссию относительно понятия «империя» с Р. У. Ван Олстиным, чей труд – «Американская империя: ее историческая структура и эволюция» (1960) – он указывал в библиографическом разделе диссертации, но на который не делал ссылки в тексте [Ibid., l. 649].

Исследование не реализовалось в более масштабный проект: не последовало издание монографии. Также и сам Д. Л. Купер, получив научную степень, прекратил дальнейшую разработку диссертационного проекта: продолжив академическую карьеру в Оклендском университете и Университете Депо, он отдал предпочтение в 1970-х гг. разработке темы феминизма, в 1990–2010-е гг. занимался изучением истории строительства железнодорожных мостов.

Исследование Д. Л. Купера, в целом и его оценка генезиса внешней политики США, в частности, не получили поддержку у У. Э. Уильямса и ведущих представителей школы: ссылки на труд докторанта ими не делались. Объяснение этому следует искать в том, что исследование было неудачным экспериментом: соискатель научной степени не создал продукт, поддерживающий концепцию школы. Однако, диссертация Д. Л. Купера выявила теоретическую слабость интерпретации У. Э. Уильямса: невозможность доказать научность состоятельности утверждений историка при оценке процессов второй половины XVIII в. В определенном смысле, диссертационный проект был пророческим предупреждением

для представителей ВШДИ о трудностях с разработкой раннего периода истории внешней политики США.

Завершение концептуализации интерпретации (У. Ф. Лафибер)

Восемь лет спустя защиты диссертации Д. Л. Купера единственным представителем ВШДИ, который затронул тематику раннего периода внешней политики США был Уолтер Фредерик Лафибер – профессор истории в Корнеллском университете, снискавший реноме последовательного апологета школы [18, р. 256].

В книге «От колонии к империи: Очерки истории американских внешних сношений» (1972) под редакцией У. Э. Уильямса была опубликована глава, написанная У. Ф. Лафибером, под названием «Внешняя политика новой нации: Франклин, Мэдисон и “мечта о новой земле, которую можно осуществить с людьми, находящимися в самоконтроле”, 1750–1804». В публикации высказывалось утверждение: с 1620-х гг. до начала 1760-х гг. колонисты участвовали в британской дискуссии о построении империи, что предопределило становление внешней политики Соединенных Штатов задолго до провозглашения их независимости в 1776 г. [25, р. 10]. Достижение статуса империи, в представлениях историка, осуществлялось путем морской и сухопутной экспансии до и после Войны за независимость США [Ibid., р. 10–11].

Примечательна аргументация оценки: она была построена ученым индуктивно. Взяв за основу взгляды, действия только двух отцов-основателей, он выражал уверенность в точности воссоздания процессов: «Разработка их идеи и создание соответствующих ей политических инструментов могут быть поняты через политические теории и политику Бенджамина Франклина и Джеймса Мэдисона. Их деятельность не только охватывала последнюю половину восемнадцатого века Америки, но и формировала ее политические структуры и, следовательно, ее внешнюю политику» [Ibid., р. 11]. Согласиться с корректностью обоснования утверждения затруднительно: У. Ф. Лафибер использовал узкую, нерепрезентативную источниковую базу, избегая, при этом, исследования дискуссий в колониальный и суверенный периоды истории США. Примечательно то, что апологеты творчества историка, игнорируют недостатки его исследования (примером является оценка С. А. Брюера и Р. Э. Ханнигана [15, р. 70–71]).

Следует отметить, что работа не стала началом более глубокого изучения У. Ф. Лафибером раннего периода истории внешней политики. В дальнейшем, в 1970–1980-е гг., он распространил свою оценку в учебной литературе для вузов [20; 26, р. 5–38]. Также способность историка распространять свое влияние было связано с его академической стратегией: в отличие от У. Э. Уильямса и Д. Л. Купера, его ревизионизм был не радикальный, а умеренный [18, р. 256]. Как результат оценка историка приобрела популярность в академической среде [34, р. 293]. Влияние было настолько велико, что он был приглашен для написания эссе в сборнике «Новая американская история» под редакцией Э. Фонера. Издание было результатом запроса Американской исторической ассоциации на серию трудов, ориентированных для учителей старших классов школ и колледжей с целью познакомить их с современными исследованиями. С первых же предложений в работе «Свобода и

мощь: дипломатическая история США, 1750–1945», историк писал об экспансии, империи и вкладе У. Э. Уильямса в изучение истории внешней политики США [26, р. 271].

Ирония заключается в том, что ученик совершил ошибку наставника: У. Ф. Лафибер поверхностно исследовал ранний период истории внешней политики США и воспроизводил нарратив работ 1950–1970-х гг. У. Э. Уильямса. Как следствие – оценка генезиса внешней политики США была им не разработана и носила характер заимствования, но она закрепились в мышлении историков последней трети XX в. и первой четверти XXI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ч. О. Бирд оставил многогранное наследие, которое сыграло ироничную шутку с У. Э. Уильямсом, У. Ф. Лафибером и, отчасти, с Д. Л. Купером. Ученый был уверен в существовании теоремы, которую исследователю следует принять: «<...> “история есть философия, открытая с обоих концов”, и при отборе и построении (историк. – Д. Д.) должен постоянно бороться с этим сбивающим с толку положением. Риск ошибки ошеломляет; опасность глупости еще больше» [12, р. xiv]. Наставление Ч. О. Бирда было отброшено историками ВШДИ: они искали историзм их современности, но не исследовали прошлое, как «*per se*». Оценки были искажены: историки делали выводы без изучения широкого массива источников или же комплексного изучения историографии (У. Э. Уильямс, У. Ф. Лафибер).

В целом, в изучении темы генезиса внешней политики США ученые ВШДИ сделали скромный вклад. Если задаться вопросом о результате ревизионизма школы, то, следует отметить точку зрения У. Ф. Лафибера, которая наиболее точно передает последствия вызова политическому реализму, брошенного учеными ВШДИ: «Если историки «ревизионисты» сформировали дебаты по поводу внешней политики США после 1898 года, то реалисты продолжают влиять на наше мнение о первом поколении американской дипломатии» [26, р. 277]. В обобщении процессов, сделанном на рубеже 1980–1990-х гг., ученый привел откровенно и емко характеристику вклада ВШДИ в изучение генезиса внешней политики США: ими не был совершен прорыв, они не добились прироста научного знания. Экспансия, меркантилизм, использование мирового баланса сил, как универсальные средства достижения статуса «империи» не были новаторскими для американской науки.

Было бы ошибкой обвинить У. Э. Уильямса и У. Ф. Лафибера в заимствовании идей или поставить в вину Д. Л. Куперу неэффективную проработанность источниковой базы и поверхностный анализ литературы. Представители ВШДИ, осознанно и неосознанно, воспроизвели ключевые идеи американской историографии второй половины XIX в. и первой четверти XX в. в уникальной исторической среде: закрепление и удержание статуса сверхдержавы, беспрецедентное участие страны в формировании биполярного мироустройства сочетались с изоляционистскими настроениями в интеллектуальных кругах США, что порождало скепсис, требовавший исторического обоснования. Фактически,

незначительная группа представителей школы на протяжении 1950–1980-х гг. дала импульс старым оценкам. Несмотря на расплывчатое обобщение, стоит согласиться с точкой зрения Дж. Сури: «<...> Висконсинская школа дипломатической истории остается чрезвычайно актуальной как часть более широкого научного взгляда на американскую внешнюю политику» [33, р. 529]. Но, это обстоятельство не снимает с нее ответственность: при рассмотрении темы У. Э. Уильямс, У. Ф. Лафибер и, отчасти, Д. Л. Купер показали, если не субъективизм, то предвзятость – стремление обосновать историзм их интерпретации, забывая о принципах объективного исследования исторических процессов.

Список использованных источников и литературы

1. Болховитинов Н. Н. Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США / Н. Н. Болховитинов // Вопросы истории. – 1986. – № 9. – С. 66–80.
Bolkhovitinov N. N. Osnovnye etapy i napravleniya razvitiya amerikanskoi istoriografii vneshnei politiki SSHA / N. N. Bolkhovitinov // Voprosy istorii. – 1986. – № 9. – S. 66–80.
2. Кубышкин А. И., Цветков И. А. Современная американская историография внешней политики США: дискуссии о методологии / А. И. Кубышкин, И. А. Цветков // Американский ежегодник, 2021 / отв. ред. В. В. Согрин. – М.: Весь Мир, 2021. – С. 295–313.
Kubyshkin A. I., Tsvetkov I. A. Sovremennaya amerikanskaya istoriografiya vneshnei politiki SSHA: diskussii o metodologii / A. I. Kubyshkin, I. A. Tsvetkov // Amerikanskii ezhegodnik, 2021 / otv. red. V. V. Sogrin. – M.: Ves' Mir, 2021. – S. 295–313.
3. Курилла И. Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США / И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.
Kurilla I. Amerikantsy i vse ostal'nye: Istoki i smysl vneshnei politiki SSHA / I. Kurilla. – M.: Al'pina Publisher, 2024. – 320 s.
4. Согрин В. В. Американская критическая историография о внешней политике США XX в. (60–70-е годы) / В. В. Согрин // История и историки, 1980: историографический ежегодник / Отв. ред. М. В. Нечкина. – М.: Наука, 1984. – С. 63–88.
Sogrin V. V. Amerikanskaya kriticheskaya istoriografiya o vneshnei politike SSHA XX v. (60–70-e gody) / V. V. Sogrin // Istoriya i istoriki, 1980: istoriograficheskii ezhegodnik / Otv. red. M. V. Nechkina. – M.: Nauka, 1984. – S. 63–88.
5. Фофанова А. Испытание независимостью: внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1789 гг.) / А. Фофанова. – СПб.: Алетея, 2024. – 328 с.
Fofanova A. Ispytanie nezavisimost'yu: vneshnyaya politika SSHA v period deistviya Statei Konfederatsii (1781–1789gg.) / A. Fofanova. – SPb.: Aleteiya, 2024. – 328 s.
6. Цюй Ш. Мэйго вайцзяо шыхуэ чжун дэ «Уэйсиканьсин сюэпай» яньцзю [Исследование «висконсинской школы» в американской дипломатической историографии] / Ш. Цюй. – Чанчунь: Издательство Цилиньского университета, 2010. – 325 с. (на китайском языке: 曲升. 美国外交史学中的“威斯康星学派”研究 / 曲升. – 长春: 吉林大学出版社, 2010. – 325 页.).
7. Beard C. A. An economic interpretation of the Constitution of the United States / C. A. Beard. – New York: Free Press, 1986. – 330 p.
8. Beard C. A. The idea of national interest: an analytical study in American foreign policy / C. A. Beard. – New Yor: Macmillan Co., 1934. – 583 p.
9. Beard C. A., Beard M. R. Rise of American civilization / C. A. Beard, M. R. Beard. – New York: The Macmillan Company, 1930. – 828 p.
10. Brewer S. A., Hannigan R. E. Extending the Sphere: The New Empire / S. A. Brewer, R. E. Hannigan // Thinking Otherwise: How Walter LaFeber Explained the History of US Foreign Relations / ed. by S. A. Brewer, R. H. Immerman, D. Little. – Ithaca: Cornell University Press, 2024. – P. 62–81.

11. Buhle P. M. William Appleman Williams: the tragedy of empire / P. M. Buhle, E. Rice-Maximin. – New York: Routledge, 1995. – 318 p.
12. Combs J. A. American Diplomatic History: Two Centuries of Changing Interpretations / J. A. Combs. – Berkeley: University of California Press, 1986. – 413 p.
13. Combs J. A. American diplomatic history: two centuries of changing interpretations / J. A. Combs. – Berkeley: University of California Press, 1983. – 413 p.
14. Cooper J. L. Interests, ideas, and empires: the roots of American foreign policy, 1763–1779: thesis ... Ph. D. United States History / J. L. Cooper. – Madison: University of Wisconsin, 1964. – 651 l.
15. Creation of the American Empire: U.S. Diplomatic History / L. C. Gardner, W. LaFeber, T. J. McCormick. – Chicago: Rand McNally & Company, 1973. – 540 p.
16. Drake R. Charles Austin Beard: the return of the master historian of American imperialism / R. Drake. – Ithaca: Cornell University Press, 2018. – 315 p.
17. Gardner L. Walt (Introduction) / L. Gardner // H-Diplo / ISSF. The Robert Jervis International Security Studies Forum: Forum 36 (2022) on the Scholarship of Walter LaFeber. October 14, 2022. – URL: <https://issforum.org/ISSF/PDF/ISSF-Forum-36.pdf> (date of access: 05.06.2025).
18. Gardner L. C., McCormick T. J. Walter LaFeber: The Making of a Wisconsin School Revisionist / L. C. Gardner, T. J. McCormick // Diplomatic History. – 2004. – Vol. 28. – № 5. – P. 612–624.
19. Harrington F. H. Beard's Idea of National Interest and New Interpretations / F. H. Harrington // American Perspective: A Quarterly Analysis of Foreign Policy. – 1950. – Vol. 4. – P. 335–345.
20. LaFeber W. Foreign policies of a new nation: Franklin, Madison, and the "dream of a new land to fulfill with people in self-control," 1750–1804 / W. LaFeber // From colony to empire: essays in the history of American foreign relations / ed. by W. A. Williams. – New York: J. Wiley, 1972. – P. 9–37.
21. LaFeber W. Liberty and Power: U.S. Diplomatic History, 1750–1945 / W. LaFeber // The New American History / ed. by E. Foner. – Philadelphia: Temple University Press, 1990. – P. 271–289.
22. LaFeber W. The American age: United States foreign policy at home and abroad since 1750 / W. LaFeber. – New York: Norton, 1989. – 759 p.
23. McCoy D. R. The Elusive Republic: Political Economy in Jeffersonian America / D. R. McCoy. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007. – 279 p.
24. Novick P. That noble dream: the "objectivity question" and the American historical profession / P. Novick. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 648 p.
25. Perkins B. The Tragedy of American Diplomacy: Twenty-Five Years After / B. Perkins // Reviews in American History. – 1984. – Vol. 12. – №1. – P. 1–18.
26. Siracusa J. M. New left diplomatic histories and historians: the American revisionists / J. M. Siracusa. – Port Washington: Kennikat Press, 1973. – 138 p.
27. Stuart R. C. United States Expansionism and British North America, 1775–1871 / R. C. Stuart. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Pr., 2012. – 374 p.
28. Suri J. Wisconsin school of American diplomatic history / J. Suri // The Oxford encyclopedia of American military and diplomatic history: in 2 vols / ed. by T. J. Lynch. – New York: Oxford University Press. – Vol. 2. – P. 528–529.
29. Trautsch J. M. The Genesis of America: US Foreign Policy and the Formation of National Identity, 1793–1815 / J. M. Trautsch. – New York: Cambridge University Press, 2018. – 314 p.
30. Tucker R. W. The radical left and American foreign policy / R. W. Tucker. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971. – 156 p.
31. Williams W. A. American-Russian Relations: 1781–1947 / W. A. Williams. – New York: Rinehart & Company, 1952. – 367 p.
32. Williams W. A. A Note on Charles Austin Beard's Search for a General Theory of Causation / W. A. Williams // The American Historical Review. – 1956. – Vol. 62, № 1. – P. 59–80.
33. Williams W. A. America confronts a revolutionary world, 1776–1976 / W. A. Williams. – New York: W. Morrow, 1976. – 224 p.
34. Williams W. A. Empire as a way of life: an essay on the causes and character of America's present predicament, along with a few thoughts about an alternative / W. A. Williams. – New York: Oxford University Press, 1980. – 226 p.

35. Williams W. A. The Age of Mercantilism: an interpretation of the American political economy, 1763–1828 / W. A. Williams // *William and Mary Quarterly*. – 1958. – Vol. XV, №4. – P. 419–437.
36. Williams W. A. The contours of American history / W. A. Williams. – Cleveland: World Pub. Co., 1961. – 513 p.
37. Williams W. A. The roots of the modern American empire: a study of the growth and shaping of social consciousness in a marketplace society / W. A. Williams. – New York: Random House, 1969. – 547 p.
38. Williams W. A. The tragedy of American diplomacy / W. A. Williams. – New York: Dell Pub. Co., 1972. – 312 p.
39. Zeiler T. W. The Diplomatic History Bandwagon: A State of the Field / T. W. Zeiler // *The Journal of American History*. – 2009. – Vol. 95, Iss. 4. – P. 1053–1073.

Dorofeev D. V. The Genesis of US Foreign Policy: the Wisconsin School of Diplomatic History (1950s–1970s)

The historiography of US foreign policy faces a problem: stereotypes introduced into academic discourse by scholars without comprehensive sources of study. This problem is explored using the example of the «Wisconsin School of Diplomatic History». The aim of this work is to assess the state of development of the genesis of US foreign policy in the works of representatives of the school. The relevance of the topic is due to the fact that the intellectual heritage of the school is studied as a complex whole. Its novelty lies in the use of a previously unexplored research format – a combination of an unexplored topic, a specific thematic organizational model, sources, and methodology. The results allowed the following conclusions to be drawn. First, the relevance of the topic for scholars was established, as they were unable to find irrefutable evidence in 18th-century sources, which they did not attempt to analyze comprehensively and extensively. Secondly, historians have failed to advance scholarly knowledge in their examination of the topic, limiting their adoption of theses that had been studied in scholarship (expansion, mercantilism, the use of global balance as a universal means of achieving the results of «empire»). Thirdly, scholarly leaders have been guided by the principle of presentism, which has led to a change in their assessment of historical processes.

Keywords: Genesis of US Foreign Policy; Wisconsin School of Diplomatic History; J. L. Cooper; W. LaFeber; W. A. Williams; F. H. Harrington.